

Сергей Мориц

**По собственному
следу**

Сергей Мориц

По собственному следу

«Издательские решения»

Мориц С.

По собственному следу / С. Мориц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857655-3

Обнаружив однажды странное послание на клочке свежей газетенки, измотанный нескончаемым прозябанием Ласло и вообразить не смел, какой череде испытаний он подвергнется воспользовавшись им.

ISBN 978-5-44-857655-3

© Мориц С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

По собственному следу

Сергей Мориц

© Сергей Мориц, 2017

ISBN 978-5-4485-7655-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

У холода есть звук. Несомненно именно этот звук слышал в то роковое утро Ласло. Отчетливый, душщипательный он проникал сквозь старую оконную раму, подобно искусному и ловкому форточнику. Это был отнюдь не вой пронизывающего до костей холодного ветра, насвистывающего через множество отверстий и щелей образовавшихся в старом дереве обрамляющем хрупкое, замерзшее стекло. В абсолютной тишине и при отсутствии даже малейших порывов ветра, холод нашептывал что-то за окном, издавая характерный лишь ему леденящий голос. Он будто угрожал своим назойливым присутствием, убивая всякое желание покинуть тёплую постель.

Неохотно открыв глаза, Ласло попытался вспомнить свой сон. Снилось ли ему что-нибудь вообще? Но тщетно. За окном, едва виднелось. Старые, истрепанные временем шторы, были задернуты, продлевая ночное время суток в комнате очнувшегося ото сна человека. Ещё немного повозившись, Ласло неохотно встал. Кровать со скрипом отпустила его, будто вздохнув от облегчения.

Надев истоптанные домашние лапти, он подошёл к окну. Собираясь раздвинуть шторы, он почему-то замер обернувшись на часы, бесшумно тикающие на тумбе у покинутой кровати, кроме которой из мебели в небольшой комнате был лишь лакированный комод. Стрелки замерли на 5:59. Ласло был очевидно обескуражен, когда минутная стрелка пересекла деление с двумя нулями, и за ней не последовал привычно ненавистный звук трезвонящего каждое утро будильника. Тогда он обернулся и обратил свой взор на яркий календарь, что висел на двери за спиной и лишь тогда до него дошло почему часы не зазвонили в 6:00.

Столь неприветливо застал его первый выходной день.

Вернувшись в уже остывшую постель, Ласло вдруг понял, что уже не хочет спать. Раздосадованный собственной неудачей, он, проснувшись раньше положенного в выходной день времени для сна, бедняга раскачиваясь побрел на кухню.

Абсолютная нагота и отсутствие отопительных приборов в убогом жилище ощущались его владельцем проявлением пупырышек мгновенно и густо укрывших его худое, слащавое туловище.

Хозяину сей скромной обители, было на вид не более пятидесяти лет. Среднего роста, немного сутул, он скрестив руки на животе от чувства назойливой прохлады, что следовала за ним из спальни, открыл дверь, на которой висел один единственный предмет гардероба, на одиноком и слегка заржавевшем гвозде – махровый банный халат полинявшего синего цвета. Поспешно натянув его, Ласло непроизвольно вздрогнул, и закрыл дверь ведущую по всей видимости в ванную комнату. Дальше по коридору его неприветливо встретил пустой дверной проем, что был слева, который то, собственно, и являлся входом в помещение чрезвычайного, куда и намеревался разгневанный столь ранним пробуждением жилец.

Окно на кухне было полностью обнажено. Серовато-тусклый рассвет сырого субботнего утра медленно проникал сквозь него. Ласло слегка прищурил взгляд от переизбытка режущего глаза, дискомфортного дневного света. Неглубокие морщины густо избородили его лоб. Усы и борода, небольшой длины, сочетали в себе небывалый контраст черного и пепельной седины. Аккуратно остриженные седые волосы, короткой прической выгодно очерчивали округлость головы. Глаза его были светло-карими, и выражали лишь глубокую и непомерную усталость. Густые брови нахмурились, в сердитой гримасе, а тонкий ровный нос съёжился от глубоко осевшей досады.

Застыв на мгновение у входа, Ласло продолжил свой целенаправленный путь к месту хранения продуктов питания, остановившись у громающего от своего возраста, ветхого холодильного шкафа. За открывшейся дверцей, по обычаю не загорелся свет, но в морозильном

полумраке все же можно было разглядеть опустевшие полки. Рука голодного мужчины смело потянулась внутрь за чем-то скрывавшимся в самой глубине, от взора случайного наблюдателя. Он извлёк оттуда нечто. Предмет отдаленно напоминающий съедобную пищу. Это было похоже на большой кусок сыра, с трудом вмещавшийся в его ладонь, завернутого в плотный свёрток газетной бумаги. Он осторожно, с опаской поднёс его к своему носу. Сделав небольшой вдох, он невольно сморщился глядя на небрежно завернутый предмет у себя в руке, а затем снова заглянул в опустевшие недры холодильника, откуда исходил едва заметный пар. Не обнаружив более никаких запасов еды в глубинах одного, Ласло, огорченный более чем прежде, громко захлопнул дверцу бесполезного железного шкафа.

Немного помешкав, он принялся в суматохе открывать все навесные тумбы и шкафчики, в которых кроме кухонной утвари не было ни чего съестного. Мрачное, гнусное утро становилось все хуже. Отдых был напрочь испорчен отсутствием еды и приобретаемым хронический характер недосыпом. Ухудшившаяся за окном погода не компенсировалась внутренним уютом из-за отсутствия отопления и вызывала раздражительность и депрессию. Наконец отыскав желаемое в том небольшом изобилии мебели, которой была обставлена кухня, сердитый мужчина, облегченно вздохнув положил свёрток на изрезанный стол, а рядом зачерствелый ломоть серого хлеба.

Некогда белоснежный чайник теперь весь был украшен гарью и копотью, а изнутри большим слоем желтой, окаменевшей накипи; стоял на чистой, такой же белой плите, которую Ласло не без труда удалось зажечь приложив к этому немало усилий. Пламя плевалось и пыкало, ещё несколько секунд. А тем временем рассерженный жилец пытался набрать в чайник воды. Кран был беспрецедентно стар и громко требовал срочной замены, издавая нехарактерный звук посапывая и шмаркаясь ржавыми брызгами, прежде чем подал непрерывный поток холодной желтой воды. Трясущимися руками Ласло подставил чайник под напор и быстро наполнил его жидкостью сомнительного качества. Но выбрать особо не приходилось и чайник в сию же секунду был отправлен им на зажженную плиту.

В ожидании кипятка, Ласло принялся готовить себе сэндвичи, применив здесь весь свой кулинарный потенциал. Развернув газетную обертку, он жадно взглянул на заплесневелый кусок твёрдого сыра. Но и тут выбор был невелик. Вооружившись тупым ножом пришлось с завидной точностью обрезать все непригодное к употреблению. После данной процедуры, кусок обеднел едва ли не на треть от своего первоначального размера. Все тем же тупым предметом с пластиковой рукоятью сыр был нарезан на равные по размеру плоские хлопья, легко умещавшиеся на хлеб. Бутерброды для завтрака были готовы, дело оставалось за малым, когда вдруг Ласло с удивлением взглянул на газетный огрызок в который недавно был завернут сыр, перед тем, как собрался от него раз и навсегда избавиться, отправив его к прочим в мусорный хлам. Его внимание привлёк отнюдь не заголовок статьи, и даже не её содержание, да и вовсе не печатный шрифт, а то, что было нанесено прописью, от руки, в самом низу мелким неразборчивым почерком, принадлежавшем не ему самому: «пятнистый единорог придёт к финишу первым» эта фраза была жирно наведена под самым текстом и именно она привлекла его удивленное внимание.

Пронзительный свист чайника вернул его в реальность от раздумий о загадочного смысла послании на клочке скомканной газеты четырехдневной давности судя по нынешнему состоянию облачённого в неё сыра, купленного не ранее понедельника этой недели. Емкость для разогрева воды прекратила назойливый писк, тот час как была снята с раскалённой плиты.

Заваривая небольшое количество сухих чайных листьев в глубокой чаше, Ласло не отрывал взгляда со стола на котором лежала пропитанная жиром газета, не дающая ему покоя, не заметив как пролил небольшое количество кипятка на столешницу у мойки. Ощувив жжение паром, обильно обдавшим его руку он мигом заметил оплошность и немедленно её устранил, засохшей сморщенной, как сухофрукт губкой. Прихватив с собой горячий напиток, он

наконец уселся за стол, где началась его долгожданная трапеза. Отправляя себе в рот один бутерброд за другим, он с любопытством рассматривал надпись на дешевом чтиве напечатанном местным издательством, не ведая откуда она могла там появиться. Лишь поглощая последний кусок, он осознал каким он был сухим и не вкусным. Запив это все большим количеством чая, он вдруг увидел как большой усатое насекомое, с короткими паузами, пересекало его изувеченную шрамами от порезов поверхность стола. Это был невиданный им доселе размеров таракан. Их присутствие в его квартире было делом обычным, хоть и невесть каким незаурядным, в силу того, что здесь редко бывало чем поживиться. И хоть их здесь было не так уж много, эта особь была неповторимо упитанным и наглым экземпляром. И вот он уже почти добрался до недавна служившей оберткой продуктам питания газеты, как был коварно заключён в прозрачную тюрьму хозяином кухни в которую он столь бесшабашно проник. Ласло безучастно посмотрел на подлого вредителя, отчаянно пытавшегося выбраться из под стеклянного плена сквозь прозрачный стакан, и забрав с собой газету удалился прочь.

Уединившись в сортире он все пытался вспомнить где раздобыл прессу которой был ныне так яро увлечён. Очевидно приобрёл в газетном киоске как делал зачастую. Но кто был автором этой строки, и что в ней таится за смысл?

Исправно посидев в туалете, он все же отправился обратно в постель. Любопытство терзало его и не давало покоя.

«Если исходить из логической точки зрения», думал он, «пятнистый единорог наверняка лошадь, принимающая участие в забегах. Но кому адресовано это послание, наверняка ведь не мне. Можно ли ему верить?»

Укрывшись одеялом он отложил находку в сторону, и стал рассуждать дальше. И когда мысли привели его к единственному возможному умозаключению, оно приходилось ему мало по нраву и он противился ему, но соблазн все усиливался. Он становился реальностью, за которую хотелось ухватиться.

Дело в том, что Ласло был уже далеко не молод, и устал влачить своё жалкое существование.

Работая рядовым служащим в небольшой и вполне заурядной страховой компании, ему надоело едва сводить концы с концами. Работая простым страховщиком избытка роскоши себе не позволишь.

Пятнистый единорог все не шёл ему из головы. Пытаясь уснуть, он, ворочаясь в постели, безуспешно убеждал себя, что это просто сон или нежелательный плод изголодавшегося воображения. Но в очередной раз открыв глаза, он видел все то же клочок злосчастной бумаги, брошенный им на прикроватной тумбе несколькими минутами ранее. Это было мучительно. Он осознавал всю абсурдность ситуации, заложником которой он неожиданно для себя оказался. Борясь с собственной алчностью, Ласло встал и подошёл к окну. Шторы легко распахнулись и даже хмурый пасмурный день, наполнил комнату лучистым светом. Его взгляд остановился на фотографии в дешевом обрамлении с подставкой, что была на подоконнике, укрытом небольшим слоем пыли. Взяв фото в руки, он с печалью взглянул на увековеченных на нем двух особ женского пола в своей счастливой компании. Обе были брюнетками. Одной из них было на вид не больше шестнадцати и она была красавицей с янтарными глазами и сияющей улыбкой. Другая была постарше, и улыбка её была не столь жизнерадостной, но цвет глаз... Он точно походил на глаза молодой компаньонши. Мужчина ещё некоторое время любовался окружающими его на фото представительницами слабого пола, прежде чем рамка заняла своё привычное место на запылённом деревянном покрытии.

В последующие несколько секунд, он стремительно направился в приемную, где в нервной суматохе перерыл полку с множеством газет с тем же названием, что утром попалась ему толи в награду, толи в наказание. Собрав их все воедино, он вернулся в комнату с охапкой бульварного мусора, небрежно брошенного на неубранную кровать. Принявшись судорожно

их пересматривать в хаотичном порядке, он преследовал тем самым единственную возможную цель: найти хотя бы очерк или пусть строку, в которой бы шло упоминание о пятнистом единороге.

Немалые старания принесли свои плоды, и перечитывая статью о воскресных скачках, Ласло отыскал среди участников знакомую кличку: «аутсайдер пятнистый единорог, в очередной раз подтвердил и укрепил свой статус, финишировав восьмым». Не останавливаясь на достигнутом, и продолжив поиски, он обнаружил ещё несколько записей с упоминанием о животном, которым он вдруг стал одержим – единороге пятнистой масти. Сомнений не оставалось, это была скаковая лошадь.

Стало быть, некий таинственный доброжелатель, используя обычную газету пытался передать информацию неизвестно кому, но по неизвестным причинам, она попала прямиком к Ласло в руки, который ныне ломает себе голову, как с ней поступить. Проигнорировать? Или использовать? Восставшая пред ним дилемма.

Будучи в полном замешательстве он складывал все за и против. Анализируя и сопоставляя вероятность, с которой данный экземпляр угодил именно к нему. А что если это чья-то шутка? Если так, то предназначалась ли она именно ему, Ласло? Среди населения давно ходили слухи о том, что забеги проводятся влиятельными чиновниками и мафией. Что в них все подстроено и заранее предрешено. И теперь имя фаворита было в его руках.

Проведя в раздумьях ещё несколько часов, он не заметил как наступила вторая половина дня.

Аппетит отсутствовал, равно как и душевный покой. Пришло время выяснить дату ближайшего забега. Обычно все события подобного рода проходили еженедельно, каждое утро воскресения. И это подтверждалось после прочтения множества спортивных колонок и новостей. Стало быть завтра. К его горлу подступил очередной толстый ком сомнения. Но теперь бороться с уже почти ощутимой победой возможности и вовсе не представлялось. Где-то в глубинах одураченного призрачным будущим сознания, он понимал, что это плохая затея, и пока ещё не поздно, нужно от неё отречься. Но было уже поздно. Он был целиком поглощён собственным воображением, более не в силах противиться ему и остановиться.

Искры надежды сменили стремительно угасающий пепел грусти в его глазах.

Взяв себя в руки, он попытался в последний раз все окончательно взвесить, но незримые веса давно склонились в одну сторону, и не существовало ничего столь весомого, что можно было бы поставить в противовес этой чаше, что предвещала ему столько положительного, ведь взглянув в таблицу, Ласло сосчитал, что ставки, принимающие на пятнистого единорога, позволят ему преумножить своё состояние в четырнадцать раз, что было весьма заманчиво в его положении.

Взбудораженный мужчина снова подошёл к окну. Погода оставалась не изменчиво пакостной. Серое, без единого просвета небо, казалось незыблемой массой олицетворявшей всю его ничтожную жизнь. И лишь ему одному был виден свет в беспросветном тумане бесконечности. Лишь ему уготованно светлое будущее, на которое он, ещё вчера, и вовсе не возлагал никаких надежд.

Опустив руку под поверхность подоконной полки, он ещё раз посмотрел на молодую девушку в рамке, стоявшей на нем. На секунду задержав свой виноватый взор на её улыбке, он достал оттуда чистый конверт. Бумажное изделие было не полым, и судя по тому, как тщательно было утаено, хранило в себе нечто важное либо ценное. Бережно вскрыв девственную макулатуру, Ласло все не решался изъять её содержимое, с тревогой глядя на вполне заурядный продукт древесной переработки.

В конце концов, он попросту швырнул белый почтовый конверт на измятую постель, из которого тотчас же посыпались денежные купюры. Безучастно глянув на свои скромные сбережения, Ласло покинул спальню, решив все же что-нибудь съесть.

Весьма скудный обед в точности повторявший завтрак по своему ассортименту, был употреблен без особого удовольствия. Но Ласло категорически не хотелось выходить за пределы собственной квартиры, и потому приходилось довольствоваться тем, что можно было отыскать в её стенах.

Затем, он несколько раз подряд очень внимательно и скрупулёзно пересчитал собственный капитал, и лишь твёрдо убедившись, что все безошибочно точно, положил накопленную сумму в размере двадцати семи тысяч обратно в конверт, который в свою очередь немедленно угодил на расшатанную тумбу.

Погрузившись в собственные мысли, что роем шумели в его голове, он с предвкушением завтрашнего дня настроил будильник и принял горизонтальное положение в ожидании ночи, с которой должен был прийти и сон. Но только не сегодня. Уснуть не удавалось никак. Множество раз сменив положение тела, закрывая и открывая глаза подобно выключателю, он бодрствовал глубоко после полуночи в состоянии эйфории и в предвкушении завтрашнего дня. Бессонница мучила его до тех пор, пока это не стало его порядком раздражать.

Поднявшись, он в очередной, третий раз посетил комнату раздумий и опустошений. После, не находя себе места, он вновь очутился на кухне, где, все не покидая отчаянных попыток выбраться сновал беспощадно заключённый им таракан, на пути к свободе которого, было лишь стекло толщиной в миллиметр, что для него оказалось непреодолимой преградой.

Ласло смотрел на не сломленное насекомое с некой завистью. Ведь оказался он на его месте, уже давно опустил бы руки и сдался, дожидаясь неминуемой участи. Таракан же наверняка сможет прожить так ещё несколько дней, продолжая отчаянно искать выход в безисходности.

Исчезнув на мгновение, Ласло вернулся с одной из газет, перечитанных и перелистанных им сегодня вдоль и поперёк. Свернув её в рулон плотнее, он приподнял стакан, и проворный разносчик заразы тут же устроил побег, устремившись к краю стола. Покинув ловушку, усатый беглец успел проделать почти половину пути отделявшего его от спасения, прежде чем его настигла газетная хлопущка, под прессом которой, он с хрустом встретил свою кончину.

Ночная расправа над злостным вредителем, немного утешила Ласло, и избавившись от его трупа, и мерзких останков, ему удалось немного вздремнуть перед неумолимо надвигающимся утром. Обрывистые куски ночных сновидений никак не складывались воедино. Абсолютно нелепые и престранные, они сменяли друг-друга абсурдным калейдоскопом прошлого, настоящего и будущего. На смену окровавленного образа исчезнувшей жены, приходили тараканы бега, которых резко сменяли сцены сексуального характера, с незнакомками, в неизвестных местах.

Привычно ненавистный звук, будивший его каждое утро, сегодня звучал иначе. Звучал торжественно и воодушевленно. Сегодня был особенный день, который непременно изменит всю его жизнь, в чем лично он больше ни капельки не сомневался.

Глава 2

Ноябрь выдался холоднее обычного. С ним пришли серые утренние туманы окутывающие город и его улицы тайнами, скрывающимися в их пучине.

Было ещё слишком рано, но возбужденный Ласло уже стоял у окна, наблюдая за бледно сероватой дымкой простиравшейся по безлюдным улицам из окна тринадцатого этажа.

На застеленной грубым шерстяным пледом зеленого цвета кровати, небрежно брошенными лежали вещи. Повседневные черные штаны и белая рубашка были слегка измяты после стирки и нуждались в тщательной глажке. Владелец этой помятой одежды лениво достал утюг, устаревшей модели со следами пригоревшей ткани на нем. Гладить он принялся прямо там, на кровати, очевидно не имея специальной гладильной поверхности. Быстро проведя нагретым прибором по обеим штанинам брюк он повторил процедуру с обратной их стороны и повесил на спинку. С рубашкой пришлось повозиться гораздо дольше. И вот уже за вторым рукавом, он неосторожно подставил большой палец левой руки и со звуком прижатой кожи, перебитым собственным воплем, он одернул её в сторону, с искажённым болью лицом. След от ожога мгновенно изменил цвет из телесного на красный, и стал наполняться прозрачной жидкостью под повреждённым участком кожи размером с крупный бобовый плод.

Жгучая боль была невыносимой и он помчался к крану, что был на кухне, судорожно открывая его он подставлял изувеченный палец, пытаясь облегчить собственные страдания, которым он подвергся в награду вопиющему неуклюжью, коим так искусно владел. Слабый поток воды, не давал необходимо результата, и пострадавший решил использовать бесполезный для других целей холодильник, что кряхтел и грохотал, довольно злорадствуя над ним.

Желанное облегчение наступило практически в одночасье, как он приложил свою левую конечность к обледеневшей задней стенке, пустой морозильной камеры.

– Черт меня дерит! – остервенело выругался он.

Так он простоял до тех пор, пока не вспомнил о брошенном утюге, с тревогой метнувшись обратно в спальню. Охваченный паникой, он ещё по пути почувствовал запах горелого хлопка и шерсти.

Вбежав он молниеносно схватил дымевший утюг, насквозь пропаливший его единственную белую рубашку, и оставил по себе не дюжий треугольный след собственного очертания, на зеленом одеяле, выдернув его из розетки.

– Что за день? – задался вопросом он, огорчённо разглядывая испорченный предмет своего и без того скудного гардероба.

Швырнув на пол белый лоскут хлопковой ткани, более не пригодной к ношению, он замыслился чем бы её скоро заменить. Обыскав весь свой запас чистых обносок, Ласло не обнаружил там ничего подходящего. Немного спустя он отискал темно-синюю рубашку среди грязного белья, что хранилось в ванной.

Запах от нее исходил не весть какой свежий, но после весьма осторожной глажки, его удалось кое как отбить и практически избавиться.

Закончив немалые хлопоты с одеждой, он продолжил приготовления принятием горячего душа, что вышло тоже не сразу, ведь горячая вода долго не хотела посещать его холодный прозябший дом. Неохотно почистив зубы, мужчина взглянул на себя в запотевшее зеркало, предварительно протерев его поверхность сухой ладонью, и очевидно увиденным остался доволен, лишь не много поправив волосы, не стал утруждать себя изнурительным бритьем.

Свежая травма снова напомнила о себе резкой, жгучей болью, что пламенем пронзила палец. Необходимо было принять срочные меры.

Аптечка находилась под рукой. Но кроме пожелтевшего от времени бинта, серой ваты и спирта, в ней было лишь обезболивающие, сомнительного срока пригодности. Обработав

скрытую опухлостью рану небольшим количеством зубной пасты, которая по его собственным, загадочным убеждениям, должна была хоть как то помочь, Ласло умело наложил бинтовую повязку, что вышло у него довольно таки профессионально.

Облачившись в ответственно подобранный перед этим наряд, заключением которого стали чистые черные носки без единой дырки, на поиски которых ушло ещё несколько минут, Ласло вальяжно зашагал в гостиную. Здесь было прохладней нежели где-либо в другом месте его квартиры, отчего он невольно содрогнулся.

Классическая обувь, что он принялся усердно натирать была довольно изношенной, но вполне достойно выглядела. У пары чёрных туфель оксфордской модели был лишь высоко истоптан каблук, а кожа из которой было сшито изделие, слегка утратила форму. Когда обувь была полностью готова, дело и вовсе оставалось за малым.

Шкаф в прихожей громко и протяжно заскрипел дверью. Утепленный твидовый пиджак, темно-серого цвета лёг идеально по фигуре, и хорошо дополнил образ. В его внутренний карман, отлично помещался конверт с деньгами, прихваченный незадолго.

Старые отцовские часы, с безотказным механизмом, что были в кармане брюк показывали половину девятого. Увесистый железный ремешок, звонко защелкнулся вокруг костлявого запястья.

– Пора. – волнительно промолвил он открывая ветхий дверной замок.

Грязный, разбитый лифт мучительно медленно опускался этажами. Казалось, эта дряхлая развалина вот-вот оборвётся вниз, под тяжестью собственного веса, и мощными рывками, не в силах преодолеть гравитацию, обрушиться на самое дно шахты. Обычно он использовал этот способ передвижения лишь в одном направлении – вверх. Спускаться же предпочитал лестницей. Но сегодня, наверное в силу волнения, не намеренно изменил устоявшейся привычке. Но все обошлось. Дверь с грохотом распахнулась, и он с нетерпением покинул кабину.

Воздух был свежим и охлаждающим сознание. Он будто отрезвлял. И Ласло вдруг замер, застыв у парадного. Следующий шаг дался ему с трудом. Мозг стал работать иначе. Нет, он не передумал. Но дальнейшее воспринимал не так рьяно, и уверенно. Но растущая вера в призрачный шанс, успешно руководила его движениями.

Туман рассеялся.

Люди сновали по улице, похожие на пчёл покинувших улей в поисках нектара. В выходной их было гораздо меньше обычного, но все же.

Нечто влекло насторожившегося Ласло лишь вперёд. Он шёл не замечая прохожих, и даже едва не угодил под машину, пересекая дорогу в неположенном месте, водитель которой, ещё долго что-то бормотал ему вслед, но тот не слышал его брани. Он свернул у булочной, на углу где обычно садится на один и тот же трамвайчик, что следует одним и тем же маршрутом к месту его постоянной работы.

Увидев как его привычный трамвай проезжает мимо подумал, что больше никогда не станет его пассажиром. Ну разве что сегодня. В последний раз. Это придало ему уверенности, с которой он ускорил свой шаг.

Проходя мимо лавки с табачными изделиями, он вдруг заметил мужчину в длинном пальто и с сигаретой в зубах, с выпуском того же самого номера читива, что привело его сюда. Он тоже заметил Ласло, и даже кивнул ему, выпуская густые клубы никотинового дыма скрывавшего его лицо.

«Может он следит за мной? Может ему известно о послании?» Предположил Ласло.

Подозрительный мужчина, ещё немного проводил его взглядом, и равнодушно уткнулся лицом в газету, продолжая жадно вдыхать едкий табачный дым.

Обернувшись и убедившись в отсутствии внимания к собственной персоне ещё раз, он вновь успокоившись, продолжил свой путь.

Спустя пол часа, он наконец добрался до местного ипподрома. Начало забега ровно в десять. У него оставалось сорок пять минут, чтоб поставить на своего фаворита.

Практически десять минут отняли поиски сомнительно существующего входа. Он никогда ранее не посещал арену для скачек, а строение оказалось далеко не маленьким.

Обогнув его практически наполовину, ему наконец явилась большая пестрая вывеска, что радушно и гостеприимно приглашала войти.

Пройдя сквозь множество тоннелей и запутанных коридоров, с повсеместными указателями, он все же сумел найти нужный, и оказавшись на трибунах разглядывал все в поиске касс или чего-то похожего, где собственно принимались ставки на ближайшее событие, ради которого он был здесь.

Запах тут стоял неведь какой неприятный. Лошадиный пот в перемешку с навозом, и множеством благоуханий духов, кремов и прочих туалетов джентельменов и их нарядных спутниц, убранных в столь разнообразно подобранные образы к каждому из которых, непременно прилагался незаменимый аксессуар – в тон идущий головной убор.

Пока беговую дорожку приводили в порядок, Ласло пребывал в замешательстве. Время истекало.

– Простите, не подскажите мне где принимаются ставки? – спросил он у первого встречного мужчины, что был одет так же, как его мнимый потенциальный преследователь у киоска.

– Вам нужно пройти вот к тем трибунам, там слева будет проход. В нем вы и сможете сделать необходимую ставку, – указывая направление рукой, он даже не взглянул на спросившего, внимающего его словам, пристально наблюдая за жокеями, что в данный момент проверяли качество бегового отрезка, сквозь свой бинокль.

Быстрыми шагами, Ласло пересёк половину трибун, и оказавшись на месте, которое ему подсказал не особо учтивый любитель конных состязаний, он свернул в широкий проход. Здесь было весьма шумно. Народу больше чем на зрительских местах, и три длинные очереди. Заняв место в одной из них, он принялся терпеливо ждать.

Время, как речь заикающегося, тянулось очень долго. Порой казалось оно вовсе замирало, отнимая у Ласло его последний шанс выбраться из глубокой ямы бедности.

Среди споров и разногласий народа, что скопился здесь, он слышал много различных предположений и заверений, касающихся исхода предстоящего забега. Но ни в одном из них, и речи не было о лошади, что выступала под номером четыре, которому, согласно полученному буклету, соответствовал пятнистый единорог. Не взирая на всеобщие предположения, Ласло обладал привилегией, которой прочий местный сброд был напрочь лишён. «Наверняка единорог сейчас получает ту самую дозу допинга в виде героина или чего позабористей, чем там их обычно накачивают» думал в этот момент Ласло.

Наконец очередь подошла. Острый пересохший ком, подступил к горлу. Трясущейся рукой он полез за конвертом во внутренний карман.

Букмекер вопросительно смотрел на молчаливого человека сквозь небольшое отверстие в своей крохотной кабинке. Руки не слушались его, а голос словно онемел. Но отступить было поздно. Да и не за чем.

– Все на номер четыре, – скупно выдавил Ласло, протягивая скомканный конверт.

Мужчина внутри удивленно взглянул на подозрительного игрока, пересчитав вручённую им ставку.

– Пятнистый единорог под номером четыре? – уточнил он недоверчиво.

– Номер четыре, все верно.

Сделав несколько пометок, букмекер вручил ему бумагу, подтверждающую принятие его ставки, получив которую Ласло покинул очередь, направляясь в отчую наблюдать свой триумф.

Триста двадцать с лишним тысяч, такова была сумма конечного выигрыша указанная на небольшой квитанции, которую он получил взамен всех своих накоплений. Это был билет в новую жизнь.

Продвинувшись ближе к месту предстоящего действия, он занял влажное пластиковое сиденье, в третьем ряду пустующем на половину. Местные зрители принадлежали к его социальному слою, и составляли примерно двадцать процентов от всех присутствующих на ипподроме. Богачи же обосновались намного выше, в верхних рядах и специально отведённых ложах, они вооружившись зрительскими биноклями, предвкушали начало зрелищной гонки.

Но Ласло пришёл сюда отнюдь не за этим. Великолепное шоу, мало волновало его уставший образ жизни. Он явился сюда дабы раз и навсегда покончить с удушающей нещитой и бедностью, заложником которых он являлся.

Громкое радио начало своё вещание приветствием всех собравшихся любителей конного спорта. От него звенело в ушах и Ласло скривился в недовольной гримасе. Далее диктор объявил клички животных, и имена всадников что будут в их седле. Единорог шёл четвёртым в списке как и было указано на огромном светящемся табло поверх всех трибун.

Затем ещё небольшая вступительная речь, где всем желали удачи и победы.

Прозвучал оглушительный выстрел.

Двенадцать породистых гнедых, стремглав рванули с места.

Отыскав в проносившемся мимо табуны свой счастливый номер, Ласло приковал к нему свой испепеляющий взгляд. Конь ярко рыжего окраса, с белыми пятнами вдоль спины, точно соответствовал присвоенному прозвищу.

Он мчался галопом, казалось быстрее пули, опередив на старте всех остальных. Но вот его настигли ещё трое, и вдруг двое из них уже оставили единорога позади.

Уровень адреналина в крови оцепеневшего Ласло казалось приблизился к критической норме. Все длилось несколько минут. Несколько жалких коротких минут, за которые он прожил новую жизнь, находясь в состоянии статического шока.

Когда финишная линия была пересечена скакуном по кличке чёрная стрела, все оборвалось внутри, и его стошнило прямо на переднее место, кое благо пустовало в этот неловкий момент.

Внезапно пропало зрение. Но спустя мгновение это прошло. Рассудок был затуманен. Он отказывался воспринимать происходящее, в поисках возможности все исправить.

Вернуть назад.

Громкое радио слышалось эхом вдали. Восторженные возгласы и возмущённые ругательства были столь неразличимы, что слились воедино тихим шепотом, в кружившейся от пережитого голове.

Желудок сводило в горьких спазмах, а сердце никак не могло убавить ритм.

Ипподром понемногу пустел. Ласло было никак не прийти в себя.

Между выгоревшими на солнце сиденьями, забегали люди в одинаковой форме, собирая брошенные посетителями бутылки и прочий мусор.

Но Ласло все не мог пошевелиться, застыв на месте. Все вокруг потеряло смысл. Как и он сам перевоплотившись в размытое белое, на запутанной нити своей судьбы.

– Мужчина вам плохо? – щуплая уборщица осторожно ткнула его в плечо, но ответа не последовало, – мужчина, вы меня слышите? – прибавив тон повторила она.

Пустым, отторженным взглядом одарил её он, не понимая вопроса.

– С вами все в порядке?

– Да.

– Мы закрываем трибуны, вам придётся оставить территорию.

– Хорошо, – безразличным тоном ответил он, так и не сдвинувшись с места.

Полная женщина лишь отрицательно махнула головой и продолжила свою работу.

Темнело.

Двое угрюмых и больших мужчин направлялись к единственному болельщику не покинувшему закрытый ипподром. Они о чем-то недовольно рассуждали приближаясь к нему.

– Эй приятель, скачки закончились, пора на выход, – грубо произнёс один из них. Но адресату не дошло его послание. Он по прежнему не сдвинулся с места, в надежде обнулить или стереть сегодняшний день своей жизни. Тогда другой обхватив его за руку, легким движением привёл нарушителя режима в стоячее положение.

– Кому говорят? Пора домой, – угрожающе добавил здоровяк.

В ответ несчастный Ласло удосужился лишь кивнуть, и медленно побрел вверх по ступенькам между рядами. Его пошатывало и тошнило. Двое громил ухмылялись, провожая клиента сзади, будучи твёрдо уверенными в его алкогольном опьянении. Он лишь молча продолжал идти, в недоумении как очутился в этой скверной, превратной ситуации.

Проводив до самого выхода, охрана оставила его наедине со своим горем, замкнув за ним громоздкие железные ставни, которые глухо стукнули тяжелым металлическим засовом за его спиной.

Он и впрямь чувствовал себя будто с похмелья, хотя спиртного не употреблял больше месяца подряд. Мысль об этом натолкнула его на небольшую прогулку, к ближайшей лавке переполненной бутылками различной вместимости спиртосодержащей жидкости.

Усердно порывшись в карманах штанов, ему с трудом удалось наскрести на маленькую бутылку самого дешевого рома. Молча протянув разносортную мелочь продавщице, недовольного вида лица, он получил требуемый товар с тем же презрительно-выразительным бонусом от вручившей его дамы преклонного возраста по другую сторону прилавка.

Не придав абсолютно никакого значения чем-то неудовлетворённым взглядам в собственный адрес, разбитый и окончательно раздавленный покупатель, сделал несколько емких глотков, не успев переступить порог торгового помещения. Чем тот час же вызвал на себя весь гнев, и без того мало приветливой и чрезмерно упитанной тетушки, со скверным характером. Здешней управительницы.

– Что вы себе позволяете?! Здесь вам не облезлый кабак! Распивать приобретенные товары убирайтесь на улицу! Приходят сюда...

Дальнейшие её слова были лишены смысла и громкости. Вспышки ярости редко посещали его. Да и те нечастые он сразу пресекал и подавлял, не пуская их далее пределов своего сознания. Поэтому это было для него чем-то новым, неизведанным.

– Заткни свой вонючий рот, – злостно прошипел он в ответ. Реакция не заставила себя долго ждать:

– Ах ты хам! Алкоголик! Я найду на тебя управу! – без устали орала та, неуклюже передвигаясь узким проходом за стойкой к телефону.

Но Ласло были не по чем её угрозы и нарекания. Вряд ли во всем мире найдётся хоть одна вещь, способная довести его до худшего состояния, нежели то, в котором он нынче пребывал.

И вот вечерняя темнота уже вовсю воцарила над городом, хозяйничая на длинных, плохо освещённых улицах, темных переулках, и мрачных не ухоженных дворах.

Ласло шел неровными шагами по обочине дороги встречной полосой. Страху он больше не подвластен.

Проезжавший мимо транспорт то и дело издавал разящийся характерный сигнал, используемый водителями для предупреждения об опасности окружающих.

Ещё несколько жгучих глотков, и бутылка опустела ровно наполовину. Мысль свести счёты с жизнью, бросившись под первую встречную машину, казалась все более единственно верной. Да вот только смерть такая может стать довольно мучительным концом, коль силы удара не станет чтоб размозжить остатки его серого вещества по твердому асфальту, и наступит не сразу. А мучений с него было довольно. Он пресытился страданиями от собственной

незначительности, от постоянных репрессий начальства, от слабоволия и неспособности что-либо изменить.

Все внутренности сплелись в одну большую отвратительную массу и его опять стошнило. На этот раз, точно под колёса, проносившегося на большой скорости автомобиля, едва ли не снесшего боковым зеркалом его макушки. Громкий протяжной гудок, быстро стихал, удаляясь за источником издававшим его, пока вовсе не пропал в темноте, вместе с исчезнувшими, красного цвета огоньками, задних габаритов.

Столь небольшая доза попавшей в организм отравы, размазала его восприятие и разбавила концентрацию до минимума, что было столь же приятным сколь гнусным в одночасье.

Горькая, дрянная жидкость, обволакивала стенки гортани согревающей пленкой победы над бутылкой, осколки которой, разлетелись по всей дороге, густо устилая её участок у самого фонарного столба, тусклый свет которого, придавал им особо яркого блеска.

Скрежет тормозов.

Ласло обернулся на визг резиновых покрышек. Чёрное авто остановилось точно перед фонарем.

– Ты что натворил, псих? – выкрикнул покинувший салон, лысый амбал устрашающего вида, – я же мог себе колеса пробить! Чего молчишь?

Ласло уныло смотрел на приближающегося, с явно не приветливой физиономией здоровяка, без каких-либо намерений сбежать или обороняться.

Глухой звук удара, пришедшегося ему точно в переносицу, и звонкий хруст костной и хрящевой тканей, даже не принудил его закрыть глаза, и не сопровождался никакими болевыми ощущениями, и кровоизлияниями. Разглядывая звёздное небо, Ласло был уверен, что хрустнул массивный кулак того парня, который сейчас глядя на него сверху, беззвучно шевелил губами, и активно жестикулировал.

Но это было не важно. Он, Ласло даже не зажмурился перед лицом опасности. Он просто прилёг сбившись с ног, от длинного пути. Прилёг именно здесь. Здесь на влажной траве было хорошо. Тихо. И так спокойно., один вопрос мучил его в данный момент – кто был автором того послания?

Глава 3

Он пришёл в себя, спустя несколько минут, когда рядом уже никого не оказалось. Ни рассерженного плешивого водителя, ни его машины.

Не небе сгушались тучи, необъятными, чернеющими айсбергами, закрывая неисчислимое количество точечно мерцающих звёзд.

Трава и впрямь была сырой, и сквозь тёплый шерстяной пиджак пробивалась прохладная влага. Простуда тоже не была лучшим способом уйти из жизни, поэтому он поднялся на ноги, почувствовав легкое помутнение в глазах.

До дома оставалось несколько кварталов, и хотя идти туда до тошноты и судорог в ногах не хотелось, иного выхода не было, и он пожалел, что не нагрубил ударившему его человеку, возможно тот бы убил его, тем самым избавив от участи подышать медленной голодной смертью.

Стрелки часов замерли на половине десятого. Дорогой он не думал не о чем. Ссутулившись, сунув руки в карманы брюк, он протаптывал извилистую тропу, не оставляя по себе ничего, кроме грусти и отчаяния.

Небольшой компании дворовых хулиганов, состоявших из подростков и наглых девиц, на которых первые пытались произвести впечатление, он так же был не интересен. Незаметный, словно призрак, он вошёл в подъезд, крошечный мрак которого, поглотил его как голодный монстр.

Лифт прибыл довольно оперативно. В кабине мигающее освещение вскоре погасло совсем. Но ему не было боязно. Он искренне желал, чтоб эта жуткая колесница Ада, оборвалась в этот самый момент, прекратив его страдания. Но видимо этому не суждено было сбыться, и древний ползущий лифт доставил своего единственного пассажира к месту проживания.

Ласло неохотно подошёл к двери. Ключ с треском проник в замочную скважину. Но, по непонятным хозяину квартиры причинам, наотрез отказывался поворачиваться.

Повозившись ещё немного времени, и приложив немалых усилий, каковой же была его реакция, когда он обнаружил что дверь и вовсе не заперта.

Ручка опустилась тихо, без щелчка. Он настороженно, сантиметр за сантиметром, толкал вперёд дверь собственной квартиры, в последней надежде стать жертвой того, кто в неё проник. Ведь в том, что внутри кто-то есть сомневаться не приходилось. Сбрасывая со счётов, тот немаловажный факт, что он попросту уходя мог не запереть замок, оставался другой, более весомый – оттуда исходили странные звуки постороннего присутствия. Походя на тайного грабителя, Ласло бесшумно продвигался темным коридором.

Пагубное действие паров этилового спирта, отрицательно сказались на координации и ориентации в пространстве.

В полумраке собственной квартиры, мужчина неуклюже зацепил опертый о стену английский зонт, с изогнутой рукоятью. Стук, с которым он рухнул оземь, заморозил виновника его появления в незыблемой позе окаменевшей статуи.

Топот приближающихся шагов был частым и негромким, что выказывало в нем, человека хрупкого и негабаритного телосложения.

Какого же было его удивление, когда в столь нелепом положении, его встретила миниатюрная девушка с фотографии на окне.

Она выглядела абсолютно безмятежно, что-то монотонно помешивая в миске, прижатой левой рукой к животу, она отнюдь не походила на злоумышленницу. Короткие черные волосы до изящной линии плеч, точеная стройная фигура при столь невысоком росте и невероятно нежная белая кожа. Черты лица без единого изъяна. Маленький ровный нос, углубле-

ния у самого очертания, тонкой, слегка припухлой линии губ и озадаченно сморщенный лоб. Светло-карие глаза настороженно излучали вопрос.

– Дочь?! Почему не сказала что приедешь?

– Решила сделать тебе сюрприз. Но немного не успела его приготовить. Вот, – кротко указывала девушка на круглую емкость в своих руках, стоя в домашних тапочках приходившихся ей великоватыми, размеров эдак на пять, – будут блины.

– Прости я немного устал, и не ждал тебя сегодня. Я бы сам приготовил. Нужно было позвонить, – включая свет, бормотал измотанный перепатиями прошедшего дня мужчина.

– О боже, отец, – миска едва не выскользнула из её тонких пальцев, но сумев удержать, она угодила на расшатанную полку для обуви, – ты что подрался?!

Одурманенный дешевым ромом, он снова почувствовал подступающую тошноту, увидев кровь на рукаве своего пиджака.

Отражение глядело на него из зеркала злорадствуя скверной улыбкой. Оно было омерзительно.

Теперь наконец, он мог осознать, что там у обочины хрустели именно его кости. Нос был сломан, а все лицо испачкано застывшей кровью. Увеличенные зрачки стыдливо лицецерели собственный внешний вид, олицетворявший его полное фиаско.

– Прости меня Гретта. Ты не должна была видеть меня в таком состоянии. Я натворил глупостей. Прости, – беспрестанно твердил он.

– Ты что пьян? – приблизившись спросила она осматривая рану на его переносице, очевидно учуяв запах его дыхания.

– Это не причина. Это уже её последствия. Прости. Я разрушил твою жизнь, – повторял он.

– О чем ты говоришь? Можешь объяснить что произошло? И почему ты весь в крови?

Но он лишь отрицательно кивал головой, виновато опущенной, скрывая лицо. Дочь помогла ему снять пиджак, и с немой тревогой сопровождала до дверей в ванную.

– Ты справишься один?

– Тебе не стоит переживать за меня, – уныло ответил он закрывая за собой.

Теплые струи воды мгновенно покраснели, омывая его напряженное тело. Сильные судороги были вызваны отнюдь не низкой температурой помещения, изваянного поредевшим, развалившимся кафелем. Это была внутренняя паническая атака, вызванная внезапным визитом дочери, который он никак не мог предвидеть. Ведь поставил на кон все её будущее, и с треском спустил все в бездонную пропасть тотализатора.

Вода постепенно розовела, пока не стала и вовсе прозрачной. Пришлось напрочь отречься от растущего соблазна вновь её обогреть, воспользовавшись раскладной опасной бритвой что оказалась под рукой как нельзя в ненужный момент. Только не сейчас. Он не смел допустить своей тендитной дочери пережить подобное. Самоубийство отца в совокупности с его полным разорением, и как следствием, отсутствием средств у неё самой, причинят ей не сколь физическую, сколь невообразимо глубокую душевную травму.

Оборачиваясь в тёплую махровую ткань, с ободранной каймой, Ласло не прикладывал ума как изложить ей данную историю, не выставляя себя полным идиотом, и не вызвав её ненависти к своей убогой фигуре.

Нержавеющая рукоять снова маняще блеснула в его глазах, но голос из-за двери вернул его в себя:

– Отец, у тебя там все в порядке? – робко доносился настырный вопрос.

– Я в норме, – сухо ответил он, появившись из парового облака перед застывшей у порога дочерью, – мне просто нужно прилечь, – оттягивая неприятный разговор заявил побитый отец.

– Конечно же пойдём, я постелила тебе, сменила белье, – её заботливые слова, лезвием врезались в органы его осязания.

– Почему же ты не поставила меня в известность о своём приезде? Ведь он должен был состояться на следующей неделе.

– Я что, не могу чаще навещать родного отца? Тем более я смотрю приезд мой, как раз к стати, и очень даже вовремя. Ты мне все же расскажешь как тебя угораздило?

– Расскажу, только услышать это будет нелегко, – дрожащим от волнения голосом ответил он, принимая горизонтальное положение, – ты готова?

– Готова, – взволнованно ответила ему дочь.

– Вчерашнее утро было самым плохим за всю мою жизнь, – неохотно начал он, – но вчера я ещё этого не понимал. Все началось со злосчастного клочка проклятой газетенки...

Он продолжал, и слова покидали его уста с нарастающим выражением гнева и злости. В какой то момент он перестал осознавать что повествует свой яростный рассказ ей, собственной дочери, он словно пересказывал случившееся себе самому из будущего, пытаясь предостеречь от неисправимой ошибки себя в прошлом. Глаза увеличились словно у одержимого вселившимся в него окаяннным бесом.

Гретта внимала его рьяным внутренним дискуссиям, с окаменевшим лицом, с каждым очередным словом, все шире раскрывая рот от переполнявшего ужаса.

К тому долгожданному моменту, когда он наконец закончил излагать, покрасневший от красноречия Ласло, словно сдулся, и тело его расслабилось.

Она уставилась на него молча разинув рот.

Запах горелых блинов появился вместе с дымом, и она не промолвив ни единого слова, оставила его наедине с собственным отчаянием удалившись их устранять. Через несколько секунд шипение раскалённой сковороды смолкло, и Гретта вернулась обратно с неизменно обледеневшей физиономией.

Он ждал хоть какой-нибудь реакции. И спустя ещё несколько секунд он её получил.

– То есть, ты всем вышесказанным, оповещаешь меня, что теперь мне нечем платить по счетам за своё образование?

– Именно. Но я обязательно что-то придумаю. Я сделаю все для тебя. Я продам квартиру, я возьму ссуду, – виновато мямлил он до тех пор, пока она не перебила его несвязную речь.

– Ты продашь нашу квартиру?! Наш единственный дом?! Мало тебе, что ты и так оставил нас без средств на существование, так ты хочешь ещё и лишить нас крова?!

– Ты не так поняла, я сделаю все, чтоб ты смогла получить образование, – оправдывался неудачный игрок.

– Ты уже сделал! Я не могу поверить, что ты смог так поступить даже не спросив моего совета! – набирала обороты Гретта.

– Я не имел права. И твой тон и твоё возмущение вполне оправданны и обоснованны. Ты можешь меня презирать, но должна помнить, что я хотел лучшего лишь для тебя. Я хотел, чтоб у тебя было все, что имеют твои сверстники, и эта похоть затмила мой разум.

– Основываясь на жалком обрывке прессы? Так ты хотел все изменить? – колко бросалась выражениями обиженная дочь, в адрес своего отца.

– Я не знаю, как заставил себя поверить в столь призрачную явь. Но тогда эта мечта казалась мне такой достижимой и осязаемой, что я почти мог к ней прикоснуться. Быть может это из-за моих вечных скитаний и бедствий.

– Ты настолько жалок в своей манере искать себе оправдание. Что мне теперь делать. Я и так не пренебрегала ночными подработками, и приглядывала за стариками на выходных за жалкие гроши, чтоб тебе упростить задачу. Теперь мне и вовсе придётся искать постоянную работу. Когда я буду успевать посещать занятия?

– Тебе не нужно работать. Я не знал что ты подрабатываешь. Ты не говорила. Я сам выпутаюсь из этого.

– Я многого тебе не говорила. Жалела. Не хотела чтоб ты знал, что тех денег, которые ты мне даёшь с трудом хватает на еду и аренду комнаты, возле университета.

– Но почему? Я давал бы больше, – растерянно произнёс Ласло, все больше увядая с каждой новостью поведенной дочерью.

– Лучше бы давал. Меньше бы сейчас выбросил на ветер. А впрочем, как бы ты смог дать больше? Ты же нищий, – меры приличия потеряли для Гретты своё значение и эмоции взяли верх, – ты же ничего не смог сделать для нашей семьи, и поэтому мама ушла от тебя.

– Она ушла и от тебя, не забывай, что она бросила нас обоих. Просто исчезла! И до сих пор не дала о себе знать, – сглатывая подступивший к горлу ком, выдавил оскорбленный родитель, – ты к слову больше не пыталась её отыскать, поскольку я давно бросил все попытки.

– Я перестала искать с ней встречи, и более этого не хочу, не в её оправдание будет сказано, но теперь я её понимаю. Понимаю почему она пропала, не оставив ни следа за собой, кроме скудного содержания записки, которую я перечитывая затерла до дыр. Она попросту устала от тебя. Ты же не смог дать ей ничего, кроме этой гнилой дыры, которую я должна называть своим домом. Можешь заложить и проиграть её! Я больше никогда сюда не вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.